

ВСТУПЛЕНИЕ
БОЛЬШОЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ
НА ПОЗИЦІЮ
ПРИ С. ТАРУТИНѢ.

(Отрывокъ изъ Исторіи 1812 года)

Сѣверные цвѣты на 1830. СПб, 1829

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

Армію совершила свое косвенное, дугообразное движеніе съ удивительнымъ искусствомъ, смѣю сказать -- съ удивительною ловкостію. Перерѣзавъ большія дороги, ведущія отъ Москвы во внутренность Россіи и показывая видъ, что отступаетъ то по той, то по другой, остановилась наконецъ она твердою ногою на средней Калужской дорогѣ за рѣкою Нарою, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣчка Петья, у Селенія Тарутина, принадлежавшаго Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. Тутъ, казалось, русское войско размежевалось съ Французами какимъ-то полюбовнымъ раздѣломъ и основалось на житѣ. О двадцатидневномъ походѣ отъ Москвы до Тарутина много бы можно сказать; но это требуетъ особаго повѣствованія. Подробности сего похода, краткаго, но весьма искусстваго, обнаружатъ въ полной мѣрѣ главныя свойства предводителя: терпѣливость, обдуманность и большую тонкость въ исполненіи подъ видомъ мнимой безопасности. По симъ чертамъ кто не узнаетъ вожда, оспаривавшаго, въ теченіе цѣлаго, жестокаго дня, поле и побѣду у Наполеона при Бородинѣ? -- О Князѣ Михайлѣ Ларіоновичѣ Кутузовѣ, первенствующемъ лицѣ въ сей битвѣ, можно сказать то, что одинъ изъ древнихъ сказалъ о Зевсѣ, сражавшемся съ Титанами: "Разтративъ всѣ свои грома, онъ отражалъ противниковъ терпѣніемъ." Дѣйствительно: за трудный, дорого купленный перевѣсъ въ битвѣ Бородинской, обязаны мы рѣшительному намѣренію, непремѣнно устоять на мѣстѣ, и хладнокровной разпорядительности Кутузова. Съ высокаго холма при деревнѣ Горкахъ, онъ, такъ сказать, хозяйственно разпоряджалъ теченіемъ битвы, единственной въ лѣтописяхъ военныхъ, несмущаясь ни великими потерями, ни уступкою важнѣйшихъ мѣстъ на боевой линіи, ни запальчивостію непріятелей, которые *цѣлыми войсками*, если такъ можно выразиться, кидались къ извѣстнымъ цѣлямъ подъ предводительствомъ лучшихъ генераловъ, стяжавшихъ европейскую славу, и до тѣхъ поръ не оставляли своихъ предпріятій, часто неимовѣрно-дерзкихъ, пока или вовсе были уничтожены, или достигли желаемаго. -- Неизвѣстно: лѣта ли, опытность, или уже дарованіе природное доставили нашему Фельдмаршалу тѣ нравственныя преимущества, которыя такъ важны, особливо въ рѣшительныхъ случаяхъ, въ лицѣ главнаго предводителя арміи.

Съ симъ-то запасомъ холодной разсудительности, по чрезвычайно-обдуманному расчету, пришелъ Михайло Ларіоновичъ на Тарутинскую позицію и водворился въ оной. Онъ принесъ съ собою и другое, часто нужное для полководца, искусство -- показывать, будто все обдуманное и заранѣе предусмотрѣнное сдѣлалось само собою -- *ненарочно*, и будто для будущаго не приуготовлено еще никакихъ вѣрныхъ соображеній. -- Симъ введены были въ заблужденіе, кажется, не одни наши непріатели! И вотъ причина, почему иногда слышались сѣтованія: "Зачѣмъ оставили Москву?" -- "Куда насъ ведутъ? Зачѣмъ колесимъ понапрасну? Къ чему уступаемъ Россію?" и проч. и проч. Главнокомандующій, безъ сомнѣнія, умѣлъ слышать все, можетъ быть, онъ принималъ многое и въ соображеніе, но ходъ дѣйствій не измѣняли. Онъ знали и о томъ, что сужденія иногда касались и собственно до его особы: "Видно онъ намѣренъ здѣсь зимовать!" говорили нѣкоторые, частію и войско, почувствовавъ себя сильнымъ послѣ значительнаго отдыха. "Что онъ дѣлаетъ?... Сидитъ съ своими приближенными, читаетъ книги, шутитъ, балагуритъ, спитъ... Нѣтъ ни войны, ни мира; между тѣмъ къ непріателямъ подходятъ новыя силы изъ Польши. Бездѣйствіе ободрить ихъ, утомить насъ! Видно уже..." Тутъ винули преклонныя лѣта Фельдмаршала, его мнимую неподвижность, а болѣе всего разположеніе къ покою и беззаботность. Но, кажется, именно изъ сихъ трехъ, несправедливо обвиненныхъ, источниковъ